

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ ЕПИСКОПА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

Нѣтъ у меня перуновъ, но есть адамантово перо. Пишу имъ на челахъ ихъ. Цѣлую тебя, перо мое. Письмена твои неизгладимы во вѣки вѣковъ. „Книга Бытія моего“ III, 106.

Въ Октябрѣ прошлаго года Императорской Академіей Наукъ изданы два тома „Матеріаловъ для біографіи епископа Порфирія Успенскаго“. I-й томъ заключаетъ официальные документы, II-й—переписку преосвященнаго Порфирія преимущественно по дѣламъ Востока.

Этими матеріалами, какъ говорится въ предисловіи, значительно пополняется автобіографія Порфирія, такъ какъ его „Книга Бытія моего“ не была дневникомъ, а составлялась позже описанныхъ въ ней событій, въ нее Порфирій вносилъ отрывки изъ своихъ Записокъ и отчетовъ, а также и письма, отбросивъ изъ нихъ личныя обращенія. Издаваемыя теперь Академіей бумаги важны не только для біографіи Порфирія, но проливаютъ немало свѣта и на исторію его времени, въ особенности на Восточный вопросъ и на положеніе Православія въ Палестинѣ.

Большинство матеріаловъ, помѣщенныхъ во второй половинѣ перваго тома, относится къ описанію событій, предшествующихъ осужденію нашего патріарха Никона; оно составлено Газскимъ ерхіепископомъ Пансіемъ, очевидцемъ и участникомъ въ нихъ, и хранится въ патріаршей бібліотекѣ въ Каирѣ. Первый томъ заканчивается официальными отчетами за 1851 и слѣдующіе годы съ изложеніемъ дѣловыхъ, ученыхъ и художественныхъ занятій преосвященнаго Порфирія. Второй томъ содержитъ въ себѣ переписку Порфирія съ 1840 по 1884 г., и съ нею мы познакоимъ читателей „Русскаго Архива“.

Въ Мартъ 1841 г. Порфирій былъ въ Петербургъ. Въ своихъ письмахъ въ Одессу къ протоіерею Михаилу Карповичу Павловскому онъ вспоминаетъ Москву, въ которой былъ проѣздомъ и прожилъ недѣлю. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ сдѣлалъ примѣчаніе, записанное имъ для памяти.

1) Когда я рассказалъ ему (митрополиту Филарету), какъ Одесскому архіепископу удалось помирить Сперанскаго и Магницкаго въ бытность Государя Императора въ Одессѣ въ 1837 году, тогда владыка высказалъ свое мнѣніе о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Сперанскій и Магницкій чуть было не ввергли въ пропасть наше отечество. Они вздумали ввести у насъ конституціонное правленіе и уже предложили покойному Государю для подписи свое постановленіе, которымъ ограничивалась власть самодержавная; но, къ счастью, духъ Русскій одолѣлъ ихъ, и постановленіе разобрано“.

2) Говорилъ я митрополиту о недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ Шмида (*Kritische Geschichte der neugriechischen und der russischen Kirche*. 1840), въ которой сочинитель обвиняетъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ, начиная съ Амвросія, въ наклонности къ лютеранству, и примолвилъ: „Шмидъ въ томъ же обвиняетъ и васъ, владыка святой, основываясь на вашихъ богословскихъ урокахъ и извѣстной программѣ вашей“. На это отвѣчалъ мнѣ Филаретъ: „Мы прокладывали дорогу, и если индѣ вели ее косвенно, то уклоненіе наше извинительно, ибо человѣку свойственно ошибаться. Но вамъ теперь надобно идти путемъ прямымъ и избѣгать всякихъ уклоненій отъ него“.

3) „Когда я повѣдалъ ему, что пишу сочиненіе о томъ, какъ духовникъ долженъ исповѣдывать кающихся, и желаю напечатать свое твореніе, тогда онъ сказалъ мнѣ вотъ что: „Нѣкто ранѣе васъ написалъ подобное сочиненіе основательно и полно, но митрополиту Серафиму не угодно было согласиться на печатаніе онаго“. Я призадумался, но не посмѣлъ спросить о причинѣ несогласія реченнаго владыки“.

Въ своемъ письмѣ къ Московскому митрополиту Филарету изъ Вѣны отъ 15 Октября 1841 года. Порфирій, гвора о заграничныхъ новостяхъ, пишетъ о смерти Карловицкаго митрополита Станкевича. Преосвященный сообщаетъ и слухи, что избраніе новаго митрополита продолжится года два. „Сербскіе христіане говорили мнѣ, что выборъ падеть или на Темешварскаго епископа Пантелеймона Живковича, или на Бачкаго Георгія Хранислава, или на Вершацкаго Іосифа Раячича, или на Офенскаго Платона Аѳанацковича. Сей послѣдній болѣе прочихъ

любимъ и уважаемъ. Дѣло не обойдется безъ происковъ между самими епископами. Къ сожалѣнію, этимъ они унижаютъ себя въ глазахъ папистовъ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ скончался архимандритъ генераль-викарій Далматинской епархіи. И эта епархія остается безъ пастыря и, быть можетъ, надолго останется сиротою. Австрійцы обыкновенно медлятъ выборомъ и утвержденіемъ епископовъ на праздныя каѳедры. Цѣль такой политики ихъ очевидна: паству безъ пастыря удобнѣе совратить въ унію. Карлштадтскій епископъ Евгений Іоанновичъ, встрѣтившись съ однимъ Русскимъ путешественникомъ въ Триестѣ, говорилъ ему, что православные епископы Венгерскіе намѣрены просить Фердинанда, чтобы онъ позволилъ имъ купить въ Россіи церковныя книги, ибо въ Австріи онѣ весьма дороги и не всѣ печатаются. Если это удастся имъ, то нашей церкви предстоитъ случай оказать великое благодѣяніе единовѣрцамъ. Галиція, населенная большею частію Русинами, вся совращена въ унію. Въ Львовской уніатской семинаріи не преподають ни Греческаго языка, ни свѣдѣній о священныхъ преданіяхъ и обрядахъ Восточной церкви; посему воспитанники ея, поступая на священническія мѣста, слабо поддерживаютъ обряды сей церкви. Во многихъ храмахъ уже нѣтъ иконостасовъ, и въ богослуженіи замѣтно рабское подражаніе папистамъ. Но въ нѣкоторыхъ уніатскихъ воспитанникахъ Вѣнскаго университета, которые слушаютъ богословскіе уроки у папистовъ, горитъ желаніе возстановить и поддержать обрядовую сторону Восточной церкви во всей ея полнотѣ и чистотѣ. По окончаніи ученія они рѣшаются издавать журналъ въ родѣ нашего „Воскреснаго Чтенія“ на Галицкомъ нарѣчій. Состоя въ сношеніяхъ со мною, они высказываютъ сильную приверженность къ Россіи, недобротство къ уніи и желаніе возстановить въ Галиціи древнее православіе. Очень хочется имъ достать полныя изданія нашего „Воскреснаго Чтенія“, для заимствованія изъ него необходимыхъ свѣдѣній о церковности и для подражанія въ изданіи собственнаго журнала. Богъ вѣсть, удастся ли имъ это доброе дѣло. Есть открытое гоненіе на Славянскую словесность въ Австріи. Вотъ тому доказательство. Въ одной Венгерской гимназіи или лицей, въ Лѣвгау, составилось литературное общество молодыхъ Славянъ, которые подъ руководствомъ профессора Михаила Главачека занимались разработкою своего матерняго языка. Ихъ лучшіе труды явились печатно. Это явленіе не понравилось тѣмъ гордымъ и мечтательнымъ Венгерцамъ, которые нынѣ думаютъ, желаютъ и стараются, такъ сказать, овенгеризировать всѣхъ Славянъ. Нѣкто графъ Карлъ Зай, генераль-инспекторъ Евангелическихъ церквей и школъ Аугсбургскаго исповѣданія въ Венгріи, въ 1840 году 24 Ноября, напечаталъ грозную филиппику противъ нихъ. Наливъ въ ней свою

желчь на Россію, онъ, между прочимъ, сказалъ, что Славянскій языкъ не есть языкъ свободы и протестантизма, напротивъ, онъ, какъ разрушительный элементъ, препятствуетъ ихъ развитію, и что ежели оставить безъ вниманія слияніе Славянъ съ Венгерцами и дать просторъ ихъ родной словесности, то надобно будетъ проститься съ Европейскимъ образованіемъ, свободою и Карпатскими горами; ибо Славяне сольются съ Русскими. Послѣ сего онъ воскликнулъ: „Свобода или кнутъ. Выбирайте!“ Но кто-то подъ именемъ нотаріуса Царя Белье написалъ и напечаталъ въ Лейпцигѣ основательную и остроумную критику на книжку Зая. Критикъ между прочимъ говоритъ: гораздо лучше предпочесть сѣверный кнутъ, нежели ту свободу, которая запрещаетъ говорить матернимъ языкомъ. Этотъ шумъ, эти угрозы и споры доказываютъ, въ какомъ горькомъ состояніи находятся наши братья Славяне. Ихъ православные архіереи не занимаютъ почетнаго мѣста на Венгерскихъ сеймахъ; они сидятъ за спинами папскихъ и униатскихъ епископовъ. Этого мало: имъ даже запрещаютъ говорить материнскимъ языкомъ; имъ угрожаютъ сѣвернымъ кнутомъ; имъ вмѣняютъ въ преступленіе сродство ихъ съ Русскими. Они стоятъ между тремя огнями: приверженцы Западной церкви принуждаютъ ихъ къ униі, Нѣмцы стараются освоить ихъ, Венгерцы усиливаются преобразовать по своему. Могутъ-ли далѣе простираться страхъ и ненависть ихъ къ Россіи и ко всему Славянскому народонаселенію? Бѣдные Славяне такъ напуганы, что не смѣютъ открыто изъяслять своей любви къ намъ, такъ наприм., они держатъ въ потаенныхъ мѣстахъ портретъ нашего Государя, смотря на него, какъ на святыню. Они вопіютъ къ Богу, какъ птенцы врановы, лишеныя матери и пищи. Они вопіютъ къ Богу, какъ путники, заблудившіеся въ знойной и безводной пустынѣ. Они вопіютъ къ Богу, какъ мореходцы, потерпѣвшіе кораблекрушеніе подлѣ дикаго острова. Они вопіютъ къ Богу, какъ потомки Іакова, осужденные на горькое рабство и лишеныя права свободно жрети Господу. Фарисеи, Садудеи, воины во гробъ заключаютъ ихъ вѣрованія, преданія, языкъ и приставляютъ къ нему огромный и тяжелый камень. Кто отвалитъ сей камень отъ двери гроба? Воскреснетъ ли южное и западное славянство?“...

Въ концѣ письма къ священнику Знаменской СПБ. церкви Іакову Предтеченскому, отъ 2-го Марта 1842 г., преосвященный Порфирій присовокупляетъ такія слова, которыя чрезъ полвѣка онъ могъ бы отнести и къ своей родинѣ, въ то время и не думавшей объ этомъ. „Полный властелинъ времени, я не употребляю его во зло; оно все проходитъ у меня среди умственныхъ занятій. Я снова учусь многому

и особенно воскрешаю въ памяти минувшія всенародныя событія, приобщаюсь мудрости философовъ и изучаю великихъ подвижниковъ и свидѣтелей церкви Христовой. Въ мірѣ умственномъ находишь болѣе утѣшенія, нежели въ обществѣ человѣческомъ. Это общество за рубежомъ Россіи чахнетъ и страждетъ предсмертными припадками. Величайшая опасность состоитъ не въ военномъ потрясеніи городовъ и весей и даже не во взаимной ненависти правителей и народовъ; нѣтъ, другой ядъ угрожаетъ разрушеніемъ жизни общественной. Основы, на которыхъ покоилась эта жизнь, т. е. вѣра, добрые нравы, уваженіе къ закону, отвращеніе отъ лжи и клятвопреступленію, покорность необходимости, вѣрованіе въ побѣду добра надъ зломъ и отвага дѣйствовать сообразно съ этимъ вѣрованіемъ, всѣ эти основы падаютъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ той крѣпости, какую имѣли прежде. Чѣмъ свободнѣе народы, тѣмъ обширнѣе строятся для нихъ больницы и остроги. На храмахъ Божіихъ видны не священныя надписи, а вывѣски съ приказами: „Здѣсь строго воспрещается пакостить или вводить собакъ“. Юношество погрязло въ чувственности самой смрадной и вредной. Пищета обременяетъ государства. Фабричная промышленность убиваетъ поколѣнія въ самомъ раннемъ возрастѣ; такъ, по статическимъ вычисленіямъ, во Франціи изъ 10 тысячъ фабричныхъ молодыхъ людей годятся въ солдаты лишь нѣсколько десятковъ, отъ 70 до 100; всѣ прочіе или изувѣчены, или хилы, или крайне развратны. Написанная мною картина отвратительна. но вѣрна. Оставимъ ее въ глубокой тѣни“.

16 Декабря 1844 года умеръ Іерусалимскій патріархъ Аѳанасій. По поводу его смерти преосвященный Порфирій писалъ А. С. Стурдзѣ: „О смерти Іерусалимскаго патріарха вы, безъ сомнѣнія, извѣщены. Я несъ тѣло его на раменахъ своихъ и молилъ Бога, да утѣшитъ Онъ бурю, собравшуюся надъ древнимъ престоломъ апостольскимъ. Эта буря сорвала митру съ головы пр. Іерооѳея. Онъ виноватъ тѣмъ, что жилъ въ Россіи. Не быть ему патріархомъ. Это уже рѣшено. Въ Іерусалимѣ будутъ избирать другого владыку. Не знаю, на кого падетъ жребій. Есть тамъ митрополиты, архіепископы и другіе духовные сановники, но людей мало. Достойнѣе всѣхъ митрополитъ Виелеемскій, но его не любятъ за горячность и строгость нравовъ. Жалуюсь вамъ на Константинопольскій синодъ. Это собраніе какихъ-то образовъ безъ лицъ, какихъ-то душъ безъ страха Божія, какихъ-то тварей, пресмыкающихся у ногъ обезьянскихъ бусурмановъ. Слава Богу, что у нашей миссіи есть палица, которая разгоняетъ всѣхъ этихъ крохотокъ. Но въ кулакъ-то трубятъ они сильно и исподтишка-то кусаютъ. Да воз-

дасть имъ Господь по дѣламъ ихъ! Хотѣли они свергнуть съ престоловъ Антиохійскаго и Цареградскаго патріарховъ, но не удалось“.

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Стурдзѣ отъ 19 Декабря, уже изъ Петербурга, Порфирій писалъ: „Вполнѣ раздѣляю съ вами крушеніе духа, которое происходитъ въ потаенномъ челоуѣкѣ при вѣрномъ взглядѣ на настоящія событія въ мірѣ духовномъ, учебномъ и гражданскомъ. Можно ли не страдать духомъ, узнавъ, что въ Петербургской семинаріи военному досмотрщику за домомъ и прислугою дано жалованье, превышающее оклады о. ректора? Можно ли не сѣтовать, слыша, что подобнаго Марса скоро опредѣлятъ и въ Академію? Можно ли не сокрушаться, вѣдая о награжденіи одного діакона Китайской миссіи орденомъ св. Анны, послѣ того какъ здѣшній викарій Іустинъ возражалъ, что діакона нельзя равнять съ священникомъ, потому что по Кормчей книгѣ онъ не долженъ даже сидѣть въ присутствіи его? Эй, діаконы! кричите громче, надсаживая грудь; за то васъ пожалуютъ въ кавалеры. А чтѣ сказать о лакомствѣ нашихъ архіереевъ до денегъ? Они присвояютъ себѣ лучшіе и богатые монастыри и дѣлаются настоятелями ихъ, забывая, что по чину и обычаю православныхъ церквей и для поддержанія вѣры монастыри должны быть даже независимы отъ нихъ и подчиняться нѣкоторые лаврамъ, а иные Св. Синоду. Таковъ былъ чинъ и обычай и въ Россіи. Къ чему же можетъ повести нарушеніе ихъ? Предположимъ, что архіереи задумаютъ и согласятся съ кѣмъ-нибудь вводить протестантское ученіе въ церковь Россійскую; кто же преречетъ имъ и вразумитъ народъ, когда и монастыри, эти оплоты вѣры народной, будутъ въ рукахъ архіереевъ?“

„Я оканчиваю отчетъ о церкви Сирійской; но, кажется, воще труждаюсь. Ибо, когда я пріѣхалъ съ Востока, жаркій и свѣтлый, здѣсь меня обдали такимъ холодомъ равнодушія и такимъ мракомъ невѣдѣнія, что я изумился и затаилъ горе въ моемъ сердцѣ, которое расширилось было такъ, что вмѣщало въ себѣ весь Востокъ, освѣчивая его радужными лучами знанія, вѣры и любви. Повѣрите ли вы, что, когда я явился къ одному изъ предержавшихъ, то онъ вмѣсто того, чтобы спрашивать меня о состояніи церкви православной на Востокъ, сначала долго говорилъ мнѣ объ Одесскомъ мужскомъ монастырѣ, потомъ объ архимандритѣ Игнатіи Брянчаниновѣ и наконецъ задалъ мнѣ вопросъ: какъ зовутъ патріарха Іерусалимскаго? Увы! Мы живемъ въ вѣкѣ тупости и ледяной холодности ко всему истинному, доброму, прекрасному и высокому. А со мною поступаютъ, какъ съ отребіемъ. Помѣстили меня съ послушникомъ въ келью одной, тѣсной, сырой, устроенной надъ погребомъ, изъ котораго проникаетъ удушаю-

щій меня воздухъ. Отъ сего при непрерывныхъ занятіяхъ я такъ ослабѣлъ, что едва брожу по кельѣ. Сердце мое поражено болѣю. Мнѣ угрожаетъ смерть. Кромѣ сего, вотъ уже осьмой мѣсяць оканчивается, а мнѣ не даютъ ни копѣйки жалованья, забывъ, что я проѣхалъ на свой счетъ отъ Эгейскаго моря до Балтійскаго. Прошу денегъ, говорятъ: подожди. А мнѣ не на что купить лѣкарства и обуви. Я потерялъ здоровье и терпѣніе и иногда впадаю въ уныніе. Впрочемъ, не подумайте, что здѣсь недовольны моею поѣздкою на Востокъ. О, нѣтъ! Меня же спрашивали: какая награда была бы мнѣ пріятна? И я, какъ живая рыбка на горячей сковородѣ, вертѣлся, вертѣлся и сказалъ, что всякая награда ваша будетъ мнѣ пріятна“.

„По прямотѣ души моей я сегодня просилъ викарнаго Наѳанаила доложить митрополиту (и уже доложено), что если я въ тягость начальству, то пусть оно отправитъ меня на Синай или въ Нитрійскую пустыню, ибо тамъ я найду спокойный пріютъ и насущный хлѣбъ; если же я нуженъ церкви Божіей, то пусть не поступаютъ со мною такъ жестоко. Не знаю, къ чему приведетъ сія прямота и, можетъ быть, грубость моя. Ожидаю грозы. Но человѣческая гроза не такъ страшна, какъ тѣ молніи Божіи, кои едва не испепелили меня на Ливанѣ. Монаху нечего терять на землѣ; да и наказаній нѣтъ для него здѣсь. Ибо и тюремная келья будетъ для него монастыремъ“.

Въ Апрѣлѣ 1847 года Порфирій написалъ А. Ѳ. Кириакову*): „Удивительная судьба православной церкви! Она постепенно умалается и ослабѣваетъ. Вычтите изъ 45 милліоновъ Русскихъ, раскольниковъ, еретиковъ и невѣрующихъ, что вы получите въ итогъ? А сокращеніе приходовъ въ Россіи затѣяно, кажется, съ тою цѣлью, чтобы и остальные православные обратились, не знаю, въ кого и во что. Церковь, которая имѣетъ многочисленныхъ архіереевъ и священниковъ, подобна многоочитому херувиму. Чего она не увидитъ? Какое зло духовное укроется отъ нея? Какая тьма духовная не будетъ примѣчена ею? А когда она не многоочита, тогда тьма и мракъ располагаются сюду и сюду, густѣютъ въ дебряхъ и захолустьяхъ и покрываютъ горы и доли. Поберегите письмо мое въ тайнѣ лица вашего“.

Въ письмѣ изъ Іерусалима архіепископу Иннокентію Борису читаемъ: „Въ Палестинѣ все спокойно. Патріархъ нашъ живетъ (по здѣшнему) великолѣпно. Во время священнослуженія его въ предверіи храма стоитъ почетная стража изъ Турецкихъ солдатъ для предупрежденія смятеній. Всѣ здѣшніе монастыри православные обновлены или

*) Инспекторъ Московской духовной семинаріи.

перестроены. Поклонникамъ изъ всѣхъ племенъ покойно въ нихъ, кромѣ Русскихъ, которыхъ смиреніе не подѣ стаетъ высокому понятію Востока о Россіи и увлажается сыростью и духотою, отправляющею иныхъ на кладбище. Протестантская кирка съ пристроивающимся къ ней помѣщеніемъ для Англійскаго консула уже покрывается. Не могу смотрѣть на нее безъ особаго волненія души, обуреваемой многими помыслами. Почему нѣтъ въ Іерусалимѣ Русскаго златоглаваго храма и иноческаго терема? Куполь надъ ротондою гроба Господня вѣтшаетъ, свинцовая крыша его съ южной стороны полуоблѣзла и скатилась на карнизъ. Между этимъ куполомъ и близнецомъ его находится гаремъ мусульманскій. Это униженіе, поруганіе, попраніе единственной на землѣ святыни видитъ мое око ежечасно изъ оконъ моей кельи. Сердце мое надрывается, разсудокъ мой волнуется, память моя вызываетъ изъ гробовъ всѣхъ крестonosцевъ, душа моя любитъ пламенемъ ихъ вѣры. Ахъ, для чего не уложить въ ихъ гробы холодность къ вѣрѣ и философію нашего вѣка? Гаремъ надъ Гробомъ Господнимъ! Внемлите, святители церкви Россійской, и рыдайте. Гаремъ надъ Гробомъ Господнимъ! Слышите, всѣ боящіеся Бога, и плачьте. Гаремъ надъ Гробомъ Господнимъ! Жены и дѣвы Россіи, приидите хоть вы истощить его до основаній земли“.

„Замѣтно, писалъ Порфирій въ 1854 году (во время войны) директору Азіатскаго департамента Любимову, какое-то опьяненіе въ нынѣшнихъ духовныхъ владыкахъ. Не говорю о шумныхъ дѣлахъ папы и клеветы его Валерги: нашъ Цареградскій патріархъ Анѳимъ рехнулся съ ума, когда просилъ султана взять его со всѣмъ синодомъ въ Адрианополь въ слѣдующую весну, дабы молитвами своими помогать ему въ бранныхъ предиріятіяхъ его. Этотъ поступокъ архіепископа новаго Рима, равно какъ и увѣщаніе его къ христіанамъ способствовать войскамъ Турецкимъ, причинили жестокою болью всѣмъ сердцамъ. Вездѣ гласно говорятъ, что онъ перешелъ за черту своего долга, и упрекаютъ его за вмѣшательство въ дѣла нецерковныя, не желая видѣть въ немъ и тѣни сходства съ архіепископомъ Рима древняго“.

„Въ Турціи вообще спокойно. Причины тому, со стороны правительства бдительный присмотръ за вспышками страстей мусульманъ, а со стороны народа тайное убѣжденіе въ томъ, что предстательство Россіи за христіанъ Греческой вѣры, унижаемыхъ предъ католиками и протестантами, справедливо. Впрочемъ, какъ всякое правило имѣетъ свои исключенія, такъ при общемъ спокойствіи бываютъ частыя тревоги. Слышно, что чернь въ Алеппѣ и Дамаскѣ злословитъ христіанъ и при случаѣ сопровождаетъ свои ругательства побоями. А въ

Албаніи христіане рѣжутъ мусульманъ. Въ Стамбулѣ же схвачено нѣсколько тысячъ чалмоносцевъ духовнаго званія, и всѣ утоплены въ разныхъ мѣстахъ. Догадываюсь, что они казнены такимъ образомъ за мятежное недовольство по случаю согласія Порты мириться съ нами на послѣднихъ условіяхъ Вѣнскихъ. О шумномъ преніи Турецкихъ сановниковъ въ диванѣ послѣ Синопской битвы, преніи, которое началось упреками султанскаго зятя Халиля Решиду за накликаніе бури и Решида Халилю за объявленіе войны, а кончилось остервененіемъ, дошедшимъ до того, что совѣтники падишаха бросали другъ въ друга чубуки, подушки и стулья; объ этомъ преніи, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно“.

„Въ Іерусалимѣ по фирману изъ Порты (сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ Порфирій) закладены окна въ надхрамномъ гаремѣ, изъ которыхъ мусульманки смотрѣли въ ротонду Гроба Господня. Это исполнено въ 26-й день прошлаго мѣсяца Марта, не смотря на просьбы хозяина гарема Абдаллы отсрочить скорбь его женъ на нѣсколько дней по случаю свадьбы его дочери. Желѣзныя рѣшетки изъ оконъ вынуты, и прозоры наполнены камнями съ известію. Сіе распоряженіе Порты походитъ на прикрытіе зловонной раны тряпичкою безъ излѣченія оной, ибо имъ отнюдь не избавлена христіанская святыня отъ гаремнаго оскверненія. Поруганіе ея осталось. Помнится, министръ иностранныхъ дѣлъ Али-паша обѣщалъ повѣренному въ дѣлахъ нашихъ г. Озерову уничтожить помянутый гаремъ при починкѣ купола надъ Гробомъ Господнимъ. Но, видно, обѣщаніе его забыто, или оно было не искренно. Вѣрь послѣ этого слову Турокъ! Я не думаю, что у нихъ есть задняя мысль мало-по-малу вытѣснить Абдаллу съ крыши Святогробскаго храма и угодить христіанамъ. Такой мысли они не могутъ почерпнуть въ равнодушіи и презрѣніи своемъ къ христіанству. Посему ихъ надобно понудить мечомъ и договоромъ у жерла пушки, очистить Гробъ Господень отъ такого оскверненія, которое нестерпимо для сердца христіанина, и въ прилежащей къ нему древней патріархіи Латинской (нынѣ мечеть) учредить общественную больницу. Когда это сбудется, тогда исторія церкви скажетъ: „Русское воинство въ 1854 г. проливало драгоцѣнную кровь свою за невѣсту Христову и возвратило ей гробъ Его, очистивъ оный отъ скверны Агарянской“. Я, смиренный труженикъ у сего Гроба, прошу и молю всѣхъ, иже во власти суть, подумать среди побѣдъ и послѣ оныхъ о полномъ торжествѣ православія въ Іерусалимѣ и успособить вѣковѣчное ликованіе и веселіе Сіона и чадъ его“.

Въ письмѣ отъ 25 Апрѣля Порфирій заявлялъ Любимову, что срокъ пребыванія его въ Иерусалимѣ кончится 5-го Мая. „Долѣе оставаться здѣсь мы не можемъ; ибо Австрійское консульство по настоянію Порты уже не приметъ насъ подъ свое покровительство по истеченіи сказаннаго срока, да и нѣкоторые изъ здѣшнихъ эфендіевъ начали поговаривать громко, будто мы соглядатаи настоящихъ событій въ Турціи, и будто къ намъ приплетаются Греки и Армяне въ чаяніи разныхъ выгодъ въ будущемъ. Поводомъ къ такому говору послужило, между прочимъ, мое посѣщеніе отцовъ Пеласгова и Гайканскаго рода (и ихъ ко мнѣ) въ дни свѣтлые, посѣщеніе единое и единственное со времени настоящей войны между Россією и Турцією. Это обстоятельство показываетъ, что насъ надзирають здѣсь не друзья наши. Надобно же избавить ихъ отъ всякихъ подозрѣній и отдалить тѣмъ, набрасываемую нашимъ присутствіемъ на монастыри Греческій и Армянскій. Всему есть свое время и свой конецъ. Правда, грустно оставить возлюбленныя святыни христіанскія и прервать благотворное вліяніе на единовѣрцевъ нашихъ въ св. землѣ и ученые разысканія о христіанскомъ Востокѣ; но должно покориться грознымъ обстоятельствамъ и видѣть въ нихъ волю Божию. Прерывается священнослуженіе наше у Гроба Господня предъ лицемъ всѣхъ племенъ христіанскихъ: на время ли, навсегда ли, не знаю, и мы возвращаемся въ богоспасаемое отечество указаннымъ намъ путемъ. Послушаніе высшей волѣ увлекаетъ насъ подъ сѣнь родныхъ алтарей“.

Въ Августѣ 1858 г. Порфирій писалъ оберъ-прокурору графу А. П. Толстому: „Послѣдній монастырскій послушникъ въ богоспасаемомъ отечествѣ моемъ имѣетъ свою должность и свой уголокъ, въ которомъ онъ живетъ безмятежно. Одинъ я не знаю, гдѣ приклонить голову свою, и не имѣю никакой должности. Въ послѣднемъ дѣлѣ объ отправленіи меня на Востокъ нѣтъ ни слова о моей будущности, тогда какъ упомянуто о правахъ посланнаго со мною семинариста. При отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга всѣ благословляющіе благословляли меня въ путь; но ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ, что о мнѣ подумаютъ во время пребыванія моего на Востокѣ. Такое положеніе мое нестерпимо тѣмъ болѣе, что я очень долго вѣрою и правдою служилъ Государю, отечеству и церкви и трудился на Востокѣ не по своей волѣ и не безуспѣшно. Напоминаю вамъ о горькой участи моей и покорнѣйше прошу васъ учинить совѣщаніе о мнѣ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и увѣдомить меня, гдѣ я могу приклонить голову мою по исполненіи даннаго мнѣ порученія на Востокѣ, и будетъ ли дана мнѣ должность? Ваше добродушное и справедливое участіе во мнѣ упрочить и расширить

мою дѣятельность, направляемую уясненною вѣрою, высшими началами православія и пламенною любовію къ престолу и отечеству. А молчаніе ваше намекаетъ мнѣ на то, что нѣтъ ни малѣйшей нужды ни въ дарованіяхъ и познаніяхъ моихъ, ни въ опытности моей, ни въ томъ огнѣ, который горитъ въ моей душѣ, и тогда я воспользуюсь тѣмъ единственнымъ малымъ правомъ отрясти прахъ отъ ногъ и искать убѣжища тамъ, гдѣ можно найти миръ душевный“.

Затѣмъ въ Декабрѣ Порфирій посылаетъ графу Толстому другое письмо. „Отвѣтивъ на мое письмо, вы утѣшили меня, но не успокоили, и я снова прошу васъ содѣйствовать совершенному успокоенію моему окончаніемъ двухъ послѣднихъ дѣлъ о мнѣ въ Св. Синодѣ. Въ одномъ дѣлѣ изъяснено, что Государь Императоръ благоволилъ пожаловать мнѣ за особые труды и заслуги пожизненную пенсію изъ государственнаго казначейства и повелѣлъ производить мнѣ жалованье изъ суммъ духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ до опредѣленія меня къ должности; но я только получаю пенсію и жалованье, а къ должности не опредѣленъ и ожидаю ее давно. Въ другомъ дѣлѣ изложено постановленіе Св. Синода объ отправленіи меня на Востокъ срокомъ на одинъ годъ, но не указано мѣсто, куда я долженъ возвратиться по исполненіи данныхъ мнѣ порученій; и я не знаю, гдѣ пріютиться съ бібліотекою моею, которую разрѣшено мнѣ вывезти изъ Іерусалима. Итакъ, благоволите, ваше сіятельство, *motu proprio*, ускорить рѣшеніе этихъ двухъ дѣлъ, каково бы оно ни было, и тѣмъ успокоить меня. Благодушно ожидаю развязки просьбы моей. Признаетъ ли меня Св. Синодъ способнымъ и достойнымъ продолжать священнослуженіе или не признаетъ; намѣренъ ли онъ расширить кругъ моей дѣятельности для духовной пользы какъ моей, такъ и общей, или не намѣренъ; предпишетъ ли онъ священно-архимандриту Александро-Невской лавры дать мнѣ на время приличное и удобное помѣщеніе въ ней, или не предпишетъ: это все равно для меня, уважающаго законные приговоры духовнаго начальства, лишь бы обнаружилось мнѣніе его о мнѣ, и я зналъ бы, какъ мнѣ надлежитъ впредъ жить и дѣйствовать въ дому Божіемъ, т. е. въ церкви. Ожидаю законнаго рѣшенія моей участи и немедленнаго извѣщенія о немъ, безъ котораго я буду поставленъ въ неимовѣрное затрудненіе по возвращеніи изъ Іерусалима съ книгами моими, коими пользовалась наша первая духовная миссія тамъ въ теченіе шести лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ. Искреннее участіе ваше въ судьбѣ моей, выраженное въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, вызываетъ совершенную благодарность мою вамъ и полную откровенность. Благодарю васъ и свободно высказываю тѣ помыслы и

желанія мои, кои угодно вамъ принять къ соображенію при сужденіи о моей будущности .

„По возвращеніи изъ Іерусалима въ Петербургъ въ концѣ 1854 г. я помышлялъ не о покоѣ въ Крыму, а о томъ, чтобы снова дѣйствовать въ Св. Градѣ на прежнемъ поприщѣ моемъ, и это помышленіе было питаемо надеждою на меня прежняго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это министерство перемѣнилось, а новый движитель дѣлъ его *) лично сказалъ мнѣ, что не избралъ меня начальникомъ нашей второй миссіи въ Іерусалимѣ, потому что я (будто бы) не убѣжденъ въ правотѣ Россійской церкви и потому не могу представлять ее на Востокѣ. Такъ сказано слишкомъ много, опрометчиво и обидно. Однако невинность моя не требовала и не искала защиты противъ такой несправедливости. Я пересталъ думать объ Іерусалимѣ и въ ожиданіи должности, которую повелѣно было дать мнѣ, занялся печатаніемъ нѣкоторыхъ сочиненій своихъ; кончилъ это дѣло, ждалъ обѣщаннаго помянутымъ министерствомъ пособія при изданіи этихъ сочиненій и, не получивъ его, увѣрился, что трудно мнѣ, при забывчивости меценатовъ моихъ, передать соотечественникамъ моимъ всѣ плоды 29-лѣтнихъ ученыхъ занятій моихъ, охладѣлъ къ этимъ занятіямъ и помышлялъ лишь о томъ, какъ бы служить въ дому Божіемъ, говорить умамъ и сердцамъ и усовершенствоваться въ искусствѣ изъ искусствъ, т. е. въ управленіи душъ по уставу царствія Божія. Но мнѣ надлежало знать, каково возрѣніе на меня духовнаго начальства. Для сего я по житейскому благоразумію прикрылъ эти помышленія свои такими намеками въ разговорахъ, какими искусно вывѣдываются людскія предубѣжденія, недоразумѣнія и истинныя мнѣнія, и говорилъ инымъ изъ предержавшихъ, что я желаю успокоиться въ Крыму отъ суеты и дѣлъ житейскихъ, а другимъ, что дѣятельность есть потребность души моей, а покой—насиліе стремленіямъ ея. Мнѣ отвѣчали молчаніемъ. Наконецъ обнаружилась воля Божія. Мнѣ суждено было еще разъ посѣтить Востокъ и поискать тамъ духовныхъ сокровищъ. Я ищу ихъ. Но мнѣ должно возвратиться съ ними въ отечество. Гдѣ же тамъ пріютъ мой? Гдѣ рабочая хранина моя? И какое значеніе мое въ іерархіи? Какой будетъ союзъ моихъ способностей и моей опытности съ современными потребностями той церкви, къ которой я принадлежу и въ правотѣ которой убѣжденъ основательно? Кто упрочить этотъ союзъ?“

„Вы пишете мнѣ, что вамъ весьма желательно содѣйствовать совершенному успокоенію моему насчетъ будущаго поприща моего, но для сего предварительно нужно знать, чего бы самъ я пожелалъ. Изъ-

*) Т. е. князь А. М. Горчаковъ. П. Б.

явленіе собственныхъ желаній при выборѣ новаго поприща есть дѣло самое щекотливое и затруднительное, особенно, когда боишься себя-любія и не знаешь воли Божіей; и я рѣшаюсь открыться вамъ только потому, что искренность мою вызываетъ ваше добродушіе“.

„Я желаю, чтобы меня не посылали на служеніе въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, потому что я уже выучился смотрѣть тамъ на церковныя дѣла съ двухъ точекъ зрѣнія, съ религіозной и политической, и предоставляю другимъ понять эту задачу. Я желаю, чтобы мнѣ не давали покоя, потому что боюсь бездѣйствія, люблю трудиться и спасеніе свое поставляю наипаче въ исполненіи многочисленныхъ обязанностей въ отношеніи къ ближнимъ моимъ. Я желаю трудиться въ дому Божіемъ, т. е. въ церкви Христовой, говорить умамъ и сердцамъ, искоренять ереси и расколы, приобрѣтать Христу души и усовершенствоваться въ искусствѣ изъ искусствъ, т. е. въ управленіи этихъ душъ по уставу царствія Божія, сознавая въ себѣ даръ слова. вѣруя въ единую церковь, любя славу Христову и подчиняясь дѣйствіямъ Духа Божія, раздѣляющаго благодатныя дарованія каждому по мѣрѣ вѣры, т. е. по измѣренію стремленій души къ Богу и къ созиданію тѣла Христова, которая есть церковь“.

„Я желаю, чтобы по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ въ Александро-Невской лаврѣ не говорили мнѣ по прежнему: вамъ нѣтъ здѣсь мѣста, ступайте, куда хотите; напротивъ, чтобы показали уваженіе не ко мнѣ, а къ высшему начальству, призвавшему меня въ столицу по видамъ своимъ, и чтобы помѣстили меня въ опрятныхъ и просторныхъ покояхъ подлѣ дома митрополита или въ другомъ удобнѣйшемъ для меня отдѣленіи Лавры“. „Довольно! Сущность этого письма заключается въ трехъ глаголахъ: прошу, ожидаю, желаю“.

„Я прошу кончить два послѣднія дѣла обо мнѣ въ Св. Синодѣ, ожидаю немедленнаго извѣщенія объ окончаніи ихъ и желаю получить мѣсто и трудиться въ дому Божіемъ“.

Лыбопытно письмо Порфирія къ фрейлинѣ Е. П. Эйлеръ отъ 21 Марта 1859 г.

„О Шотландцѣ Юмѣ, который всѣхъ васъ сводитъ съ ума, я думаю вотъ что. Онъ не посредникъ между мірами видимымъ и невидимымъ и не живетъ среди духовъ злыхъ или добрыхъ; нѣтъ, онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ необыкновенный выродокъ, въ которомъ гораздо больше струй электромагнетизма, нежели сколько имѣетъ ихъ каждый правильно рожденный человѣкъ. Я не видалъ его, но угадываю, что у него нервы очень слабы отъ того, что истощены непрерывнымъ токомъ

этихъ усиленныхъ струй. Слабость нервовъ и малая узловатость ихъ въ мозгу его причиною тому, что онъ живетъ какъ двойникъ, т. е. грезить, воображаетъ, обдумываетъ что-нибудь и видитъ свои собственные грезы и образы, подслушиваетъ свои думы и разговариваетъ самъ съ собою, а ему и глупенькимъ зѣвакамъ кажется, что съ ними говорятъ духи или люди. Подобное раздвоеніе бываетъ въ горькихъ пьяницахъ и въ глупыхъ монахахъ, которые истощаютъ себя неумѣренными бдѣніями и постами. Сквозь слабые нервы Юма проторгается излишекъ теллюрическаго тока электромагнитнаго и, сочетаваясь съ такимъ же токомъ въ тѣхъ любопытныхъ, которые видятъ въ немъ пророка или потѣшника, производитъ сжатіе въ ихъ рукахъ или щекотаніе, смотря по разности ихъ тѣлосложеній, и движетъ столъ. Ибо въ этомъ токѣ много силы. Онъ поднимаетъ насъ на вершины Олимпа, Синая, Аѳона. Когда пузырьчки его лопаются въ воздухѣ, тогда бываетъ громъ. Если бы этотъ токъ въ Юмѣ былъ еще сильнѣе, то можно было бы видѣть вылетающую изъ него молнію и слышать трескъ въ гостинной, гдѣ собраны зѣваки. Юмъ—электромагнитная машина грѣшно любопытныхъ душъ“.

„Что касается до отвѣтовъ на вопросы посредствомъ чтенія азбукъ и складыванія тѣхъ буквъ, кои отстукиваетъ Юмовъ столъ, то и эти Шотландскія затѣи—не продѣлка духовъ и не великая тайна. Вотъ ея изъясненіе. Душа человѣческая, одаренная разумомъ, волею и могуществомъ, имѣетъ прозрачную оболочку въ родѣ сіянія (auréole), составленную изъ нетлѣнныхъ сущностей общей жизни, кои мы называемъ эфиромъ, электричествомъ, магнетизмомъ, и посредствомъ этой животрепещущей въ нервахъ оболочки дѣйствуетъ на свое тѣло и на другія тѣла и души и принимаетъ воздѣйствія отъ нихъ. Чѣмъ болѣе она занята и напряжена любопытствомъ, гаданіемъ, вниманіемъ, созерцаніемъ или страстностію: тѣмъ чувствительнѣе и воспріимчивѣе становится оболочка ея, и тѣмъ сильнѣе бываютъ воздѣйствія ея на другія сущности. Въ такомъ состояніи души всѣ внезапно, напр., барабанный бой, похороны, вѣстникъ съ пучкомъ цвѣтовъ, производятъ въ оболочкѣ ея дрожаніе, а въ ней самой непріятное или пріятное чувство; а безъ внезапностей сама душа, находясь въ томъ же состояніи, уравниваетъ и успокаиваетъ соприносущую ей въ нервахъ оболочку, какъ орелъ свои крылья, дабы сосредоточиться въ себѣ самой для лучшаго и связнаго произведенія мыслей, или колеблетъ и волнуетъ ее, когда хочетъ или когда вызывается воздѣйствовать на подобныя души или на вещественныя тѣла. Поэтому любопытство ея изощряетъ зорь, гнѣвъ напрягаетъ кулаки, любовь и страхъ разрѣ-

шають нѣмоту (я разумѣю нѣмого сына царя Креза, который началъ говорить, защищая жизнь своего отца); поэтому слово умное, красное, мѣткое прекращаетъ мятежь толпы или устремляетъ полки навстрѣчу смерти и т. п. Такова сила души и животрепещущаго орудія ея! Послѣ сего вообразите сходку семи или осьми фрейлинь, которыхъ души крѣпко заняты любопытными или сердечными вопросами, а нервы напряжены, взволнованы токомъ общежизненныхъ сущностей; вообразите ихъ у Шотландскихъ ногъ Юма, этого электромагнитнаго автомата, который дѣйствительно никого не обманываетъ, будучи невольнымъ протокомъ этихъ же самыхъ сущностей; представьте себѣ сочетаніе столькихъ струй электромагнитныхъ, произведенное силою столькихъ воли; припомните, что земля вмѣстѣ съ солнцемъ нынѣ проходить такія пространства неба, въ которыхъ она прежде не была, и, слѣдовательно, теллурическая сила ея дѣйствуетъ въ насъ не такъ, какъ въ предкахъ нашихъ, утончая наши тѣла и приготовляя ихъ къ одухотворенію; наконецъ, сознайте, что все мы задаемъ себѣ вопросы о такихъ предметахъ, которые не выходятъ изъ круга нашего мышленія и вѣдѣнія, и что почти въ каждомъ вопросѣ заключается и отвѣтъ его; вообразите, представьте, припомните и сознайте все это, и вы поймете воздѣйствіе Юма на фрейлинь и диковинную игру его съ ними на вопросы и отвѣты подѣ стукъ деревяннаго столика. Кто щекочетъ ихъ? Лѣшій? да вѣдь онъ живетъ въ лѣсу, а не въ столицѣ. Кто пожимаетъ ихъ нѣжныя ручки? Ангель хранитель? Архангелъ Михаилъ? Да этого не скажетъ и безмысленный столикъ Юма, а если бы сказалъ, то не повторятъ фрейлины, зная, что ангелы посылаются на служеніе хотящимъ наследовать спасеніе, а не усадьбу дѣда или тетки, о смерти которыхъ спрашивается дерево. Ихъ щекочетъ и пожимаетъ вліяніе Юмова электромагнетизма, подобно тому, какъ извѣстныя состоянія атмосферы повышаютъ или понижаютъ ртуть, ослабляютъ или подкрѣпляютъ слабонервныхъ. Но почему воздѣйствія этого Шотландца такъ разны? Потому что у фрейлинь не одинаковы нервы и не одинаковъ токъ въ нихъ животрепещущихъ сущностей. А какія и чьи силы колеблютъ столикъ? Силы воли и магнитныхъ токовъ Юма и совопросницъ. Отчего же столикъ стучитъ при произношеніи именно тѣхъ буквъ, изъ которыхъ слагается отвѣтъ на вопросъ? Вотъ отчего. Та душа, которая задаетъ себѣ вопросъ, сама себѣ тайкомъ и отвѣчаетъ вѣрно или гадательно и, напередъ зная отвѣтъ, сама тайкомъ волнуется при произношеніи нужныхъ ей буквъ и силою осмысленной воли и токомъ своего магнетизма невидимо колеблетъ сообща намагнетизированный столикъ, колеблетъ его непремѣнно въ минуты произношенія этихъ буквъ. Но правда ли то, что кто спрашиваетъ Юмовъ столикъ,

тотъ самъ себѣ и отвѣчаетъ вѣрно, или гадательно? Такую правду я узналъ собственнымъ опытомъ. Однажды въ Иерусалимѣ (предъ отъѣздомъ въ Россію во время послѣдней войны нашей) захотѣлось мнѣ уяснить себѣ тайну движенія столовъ и отвѣтовъ ихъ. Я позвалъ въ горницу студентовъ и домочадцевъ своихъ и велѣлъ имъ положить руки на круглый столъ, какъ слѣдовало, а самъ сталъ поодаль отъ нихъ и устремилъ на этотъ столъ все вниманіе свое. Нашъ общій электромагнетизмъ проникъ и пропиталъ его. Столъ тронулся, началъ вертѣться и вертѣтъ молодцовъ моихъ. Тогда мнѣ стало страшно. Однако я не оробѣлъ и сурово сказалъ столу: стой и скажи, сколько мнѣ лѣтъ отъ роду. Столъ остановился подъ руками молодцовъ, приподнялъ ножку и мѣрно отстукалъ 49 разъ. Точно, мнѣ тогда было 49 лѣтъ. Я тотчасъ понялъ, что душа моя, знавшая лѣта моей жизни, силою воли своей взволновала и какъ бы осмыслила соприносущный ей магнитный токъ и этимъ токомъ приподняла ножку стола 49 разъ. Итакъ, на дѣлѣ оказалось, что я самъ себя спросилъ, самъ себѣ и отвѣтилъ, только необыкновеннымъ новымъ способомъ, посредствомъ намагнетизированнаго дерева. Послѣ этого вопроса предложенъ былъ мною другой: возвращаюсь ли я въ Иерусалимъ и послѣ сколькихъ лѣтъ? Столъ отстукалъ три раза, потому что самъ я сильно желалъ возвратиться въ Св. Градъ и предполагалъ, что война и путешествіе мое въ Россію и обратно продлятся не долѣе трехъ лѣтъ. Однако, впоследствии оказалось, что отвѣтъ стола былъ невѣренъ, потому что невѣрно было предположеніе души моей. Вотъ чтò я дѣлалъ и испытывалъ! А чтò было со мною, то дѣлается и съ другими. Всѣ души у Юмова стола отвѣчаютъ сами себѣ и убѣждаютъ или обольщаютъ сами себя. Никакихъ посредниковъ между ними нѣтъ. Хотите ли повѣрить чтò? Пусть кто-нибудь въ присутствіи Юма предложитъ слѣдующій вопросъ: какъ зовутъ игуменовъ Метеорскихъ монастырей? Будьте увѣрены, что послѣ этого вопроса столъ его станетъ втупикъ, хотя бы сто разъ прочитали азбуку, или напишетъ ложные отвѣты, потому что никто ничего не знаетъ про эти монастыри и не вѣдаетъ именъ настоятелей ихъ; не вѣдаю и я, ѣдущій туда. Ничья душа не можетъ дѣльно отвѣчать на то, чего не знаетъ и о чемъ не думаетъ и не гадаетъ. Никакой Юмъ не скажетъ вѣрно: сколько овецъ и козъ родилось нынче въ Синайской долинѣ Ель-Дябуэ, кто теперь старостою въ Вилеємѣ Іудейскомъ, чтò происходитъ на южномъ полюсѣ въ тѣ часы, когда у насъ блистаетъ сѣверное сіяніе, какой Евагріій писалъ ту физику, которую я читалъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и проч. А если кто съ помощію стола станетъ отвѣчать на такіе вопросы, то отвѣты будутъ невѣрны, ложны, въ родѣ тѣхъ словъ, кои порожд-

даеть душа въ насмѣшку надъ своими же мечтами или страстями. Наоборотъ, дадутся вѣрные или приблизительные къ правдѣ отвѣты на такіе, напримѣръ, вопросы: выздоровѣетъ ли Эдитта? Выйдетъ ли замужъ Сталь (Фрейлина) и когда именно? Смѣнять ли госпожу Бакулину? Любить ли меня такой-то графъ? Прилично ли Царю устроить кузницу подлѣ тронной залы? Пристойно ли Великой Княгинѣ напускать въ свой дворецъ башмачницъ, пряхъ и швей? Не заразятся ли отъ нихъ чесоткою чистенькія Фрейлины? На такіе и подобныя вопросы душа сумѣетъ кое-какъ отвѣчать, осмысливъ свой магнитный токъ. Когда возражать вамъ, что столъ Юма пишетъ такія слова, какихъ не зналъ совопросникъ, отвѣчайте, что эти слова были извѣстны ему изъ книгъ или изъ разговоровъ, но давно забыты, а теперь воскрешены памятью, которая на страшномъ судѣ Христовомъ дасть отчетъ за всякое праздное слово“.

„Итакъ, не совѣтую вамъ ѣздить туда, гдѣ бываетъ Юмъ. Лучше пусть пожметъ вашу руку Маша Фредериксъ, пусть пощекочетъ васъ горничная дѣвушка или женихъ передъ свадьбою. А самой спрашивать Юмовъ столъ кое о чемъ полуизвѣстномъ или сердечномъ, и самой же отвѣчать съ помощію своей же магнитной сущности, значило бы дурачить себя саму и ловить свои грезы или думы, добро бы въ своемъ теремѣ, а то подъ столомъ нездороваго Шотландца. И что за охота заражаться болѣзнію его, т. е. насильственнымъ раздвоеніемъ души? Не для заразы этой и не для любопытства надлежало бы всѣмъ вамъ призывать Юма въ чертоги, а для того, чтобы врачевать его. Но кто изъ васъ силенъ подать ему здравіе?... Не теряйте же времени, ловя грезы или думы свои подъ столомъ Юма: а лучше употребите его, усѣвшисъ за письменный столъ свой и отвѣтивъ мнѣ на это посланіе“.

Въ письмѣ изъ Константинополя къ Б. П. Мансурову (27 Февраля 1860 г.) Порфирій между прочимъ пишетъ. „Если бы отъ меня зависѣлъ выборъ мѣста подъ нашу страннопріимную келью на Аѳонѣ, то я поставилъ бы ее непременно близъ Платійской бухты въ выше-сказанномъ углу, наперекоръ всѣмъ сторонникамъ Руссика, не знающимъ напряженнаго состоянія этого двуличнаго монастыря и не предвидящимъ плохой будущности его. Руссикъ не можетъ и не долженъ быть ни пароходною конторою, ни складочною клѣткою Карейскихъ торгашей, ни сборнымъ мѣстомъ святогорцевъ и поклонниковъ, желающихъ отъѣзжать съ Аѳона и пріѣзжать туда на нашихъ пароходахъ: не можетъ, потому что не имѣетъ ни заводи удобной для загрузки и выгрузки вещей, ни пристани безопасной для посадки и

высадки людей; не долженъ по слѣдующимъ причинамъ: пароходы, бросая якорь у Руссика въ часы богослуженія, нарушаютъ молитвенное настроеніе монаховъ, а во всякое другое время возбуждаютъ въ нихъ бесполезное любопытство и производятъ суету; когда же отплываютъ оттуда ночью, тогда ворота обители не запираются долго по захожденіи солнца, а это противно святогорскому уставу. Кромѣ сего Руссику причиняется немалый ущербъ установленіемъ нашего пароходнаго сообщенія съ нимъ. Мостовая дорога его, ведущая въ Карею, портится вьючными животными, Карейскіе торгаши иногда не являются къ пристани его за своими товарами и за переноску ихъ въ монастырскія клѣти не платятъ денегъ монастырскимъ служкамъ. Монахи изъ разныхъ обителей Аѳонскихъ, архіереи и игумены съ прислугою своею, поклонники и разные пришельцы, по прїѣздѣ въ Руссикъ, а наипаче предъ отъѣздомъ на нашихъ пароходахъ, остаются тамъ нѣсколько дней, ожидая нашихъ паровъ или выжидая дурную погоду, и ѣдятъ и пьютъ даромъ. Случаются бури, въ кои наши пароходы завозятъ магометанъ вмѣсто Каваллы въ Руссикъ и тутъ покидаютъ ихъ, предоставляя ему утлять ихъ гнѣвъ и голодъ. Наконецъ, Греческіе иноки, живущіе въ этой обители, смотрятъ на наши пароходы неблагопріятно, а отношенія ихъ къ Русской братіи такъ непріязненны и опасны, что я почитаю долгомъ раскрыть ихъ вамъ для предупрежденія чьего-либо поздняго раскаянія въ назначеніи якорной стоянки нашихъ пароходовъ у Руссика“.

„Наши купцы въ куколяхъ и мантияхъ своимъ золотомъ обаяли слабаго игумена Герасима до того, что онъ сдѣлался ихъ покорнѣйшимъ слугою и потворщикомъ всѣмъ ихъ прихотямъ“.

„Этимъ недовольны почти всѣ собратія ихъ изъ Грековъ. Они жалуются на потворство Русскимъ, на ослабленіе строгихъ правилъ общежитія ради этихъ пришельцевъ и опасаются, какъ бы обитель ихъ изъ общежительной не сдѣлалась своежительною. Русскимъ инокамъ вздумалось написать домашній уставъ, совершенно уравнивающій ихъ съ Греками во всѣхъ отношеніяхъ, что и справедливо. Но въ этомъ уставѣ сказано, что игумень Руссика можетъ быть и не изъ Грековъ. Такое постановленіе смутило чернецовъ Пеласгова рода. Они вообразили, что Русскіе со временемъ изгонять ихъ изъ киновіи, избравши игумена сперва изъ Болгаръ, а потомъ уже изъ своихъ. А когда геронда Герасимъ дѣйствительно началъ высылать изъ нея недовольныхъ старцевъ, которыми она славилась, тогда къ смущенію присоединились страхъ, ропоть подозрѣнія. На Греческой половинѣ начали поговаривать, что духовникъ Русской братіи Іеронимъ, подкупивъ распорядп-

теля пароходнаго общества г. Новосельскаго, призвалъ наши пароходы въ пристань Руссика съ тѣмъ, чтобы застращать ими сосельниковъ своихъ Грековъ и исполнить свой замыселъ объ изгнаніи ихъ изъ обители. Когда же эти пароходы вмѣсто выгодъ нанесли Руссику ущербы, обративъ его въ даровую харчевню и въ безпокойный базаръ, тогда Греческое братство начало роптать, такъ что Іеронимъ испугался и принужденъ былъ упрашивать нашихъ моряковъ, чтобы они заходили въ пристань сосѣдней Дафны. Такое тревожное положеніе Руссика продолжалось до полученія вашего письма. Оно пришло ко мнѣ очень кстати. Когда я по поводу его началъ извѣстные переговоры съ Хиландаромъ, тогда смущенные и ропщущіе братія почувствовали, что ихъ подозрѣнія касательно нашего пароходнаго сообщенія съ ихъ обителью несправедливы и, почувствовавъ это, успокоились и чрезъ духовника своего благодарили васъ и меня за вниманіе къ нравственному и хозяйственному благосостоянію ихъ киновіи и къ безмятежности всего АѦона. Переговоры мой съ Хиландаромъ, къ сожалѣнію, не кончились успѣшно. Я принужденъ былъ уѣхать съ АѦона. Предъ отъѣздомъ моимъ Греческое братство чрезъ почетныхъ старцевъ своихъ вполне обнаружило мнѣ напряженное и опасное состояніе этой киновіи. Оказалось, что она должна 500.000 піастровъ, и Русскіе духовники, Іеронимъ и Макарій, отсрочиваютъ уплату сего огромнаго долга, дабы стращать имъ сосельниковъ своихъ Грековъ и такъ держать ихъ въ зависимости отъ себя (въ этомъ признался мнѣ самъ Іеронимъ). Оказалось, что вся милостыня, которая посылается изъ Россіи, иждивается на содержаніе Русскихъ же монаховъ, и что монастырю не велика прибыль отъ этихъ пришельцевъ. Оказалось, что они нестрого соблюдаютъ правила общежитія, одѣваясь пышно, распивая чап, уклоняясь отъ общей трапезы и погуливая за воротами обители. (Все это правда). Но всего огорчительнѣе для ихъ собратій Грековъ непомѣрное властолюбіе духовника Іеронима, по которому онъ никогда никого изъ нихъ не приглашаетъ на совѣтъ, въ противность домашнему уставу, имъ же самимъ написанному, и высылаетъ изъ обители лучшихъ сподвижниковъ, несмотря ни на дарованія, ни на заслуги ихъ, дабы они не ограничивали его самообольщенія. (Это правда). Это огорченіе усиливается подозрѣніемъ касательно изгнанія Грековъ изъ Руссика, скорбію о нравственномъ и хозяйственномъ разстройствѣ его отъ нашего пароходнаго сообщенія съ нимъ и безнадежностію уплаты огромнаго долга монастырскаго. Выказавъ мнѣ все это и кое-что другое, помянутые старцы заключили бесѣду со мною замѣчательно-непріятными намеками на равнодушіе нашего правительства къ Русской братіи, на гнилые костыли, на кои она опирается (разумѣются два-три покровителя въ

Петербургъ) и на право Руссика, построеннаго княземъ Каллимахи, просить Цареградскаго патріарха объ ограниченіи самовластія этой братіи и даже объ удаленіи ея изъ монастыря, въ который она принята на постой и на хлѣбъ по милости“.

„При такомъ напряженномъ и опасномъ состояніи Руссика благо-разумно ли указать нашимъ пароходамъ якорную стоянку въ неудобной заводи его, и не лучше ли назначить ее въ Стеллярійскомъ углу Аэона у Платійской бухты и въ водахъ Франколимено,—это рѣшить представляю вашему превосходительству“.

Слѣдующія письма Порфирія, писанныя во время пребыванія его въ Россіи и помѣщенныя въ этомъ же томѣ, уже не представляютъ той живости, которую наполнены его письма съ Востока.

Въ указанное время Порфирій занялъ былъ усиленную подготовку своихъ произведеній и ученыхъ изслѣдованій къ печати, а потому въ послѣднихъ письмахъ не чувствуется той силы „адамантова пера“, которая нерѣдко такъ глубоко огорчала нашихъ и Греческихъ владыкъ. Удары этой силы дѣйствовали быстро и вѣрно; раны, нанесенныя ею, часто оказывались неизлѣчимыми и болѣли всю жизнь. Ея уколы проникали глубоко въ самое сердце и не забывались никогда. Противъ этой силы, всепроникающей силы, не въ состояніи было помочь ничто: ни смиренно-лукавствіе, ни воскрилія святительскихъ мантий, ни монашеское облаченіе, ни высота сана, ни внѣшняя святость...

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1911 Января 27.

